

УДК 140.8

Евразийская миграция: механизмы и принципы глобальной миграциосферы

А. А. Матвеев

Матвеев Алексей Александрович, аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет, matveffal@mail.ru

В центре внимания автора статьи – евразийские миграционные процессы, рассмотренные через призму трех миграционных моделей, а также их влияние на демографическую и социокультурную динамику. Актуальность поставленной проблемы заключается в определении взаимосвязи феномена миграции и демографического кризиса на континенте; цель – найти точки соприкосновения различных миграционных моделей в поиске путей преодоления демографического кризиса. Для решения проблемы были применены компаративный и системный подходы. Новизна статьи состоит в формировании дискурса глобальной миграциологии, масштабировании пространства миграционных процессов, обосновании их системной, комплексной природы. Значение исследования раскрывается в гипотезе о концептуальном (системоопределяющем) месте России в евразийской миграциосфере. Показано, что резервы миграционной устойчивости связаны прежде всего с противоречивым положением, которое характеризуется, с одной стороны, огромным миграционным потенциалом, а с другой стороны, изоляционной европейской миграционной политикой. Верификация эффективности миграционной модели, при которой минимизируется «утечка мозгов» при концентрации профессионалов внутри странового пространства, и одновременно «вливание» новых трудовых ресурсов возможны в рамках реальной миграционной политики. При этом гармоничная миграционная политика даст ответ – краткосрочная эта перспектива или устойчивый процесс развития.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, миграционное взаимодействие, мусульмане, демографический кризис, миграционная модель, миграционная политика.

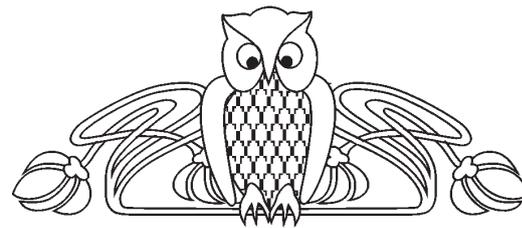
Поступила в редакцию: 27.04.2020 / Принята: 02.07.2020 /
Опубликована: 30.11.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-374-378>

Мировая миграция: реалии прошлого и тренды настоящего

Европейская миграция и колонизация Нового Света начались в XVI в. и набрали обороты на стыке XVIII–XIX вв. Движущими социальными группами мигрантов оказались в первую очередь евреи и гугеноты, которые стремились избежать преследования по экономическим причинам, или рабочие, для которых сезонная, или маятниковая, миграция была обычным явлением в жизни в XVII и XVIII вв.

Особая фаза международной (в частности европейской) миграции связана с ростом США как промышленной державы и индустриализацией Австралии и Новой Зеландии. Мигранты стремились избежать бедности и политически репрессивных режимов в своих странах, мотивируя это перспективой экономических возможностей. По оценкам, в период с 1800 по 1930 г. Европу покинули около 48 млн чел. [1].

Внутриафриканская миграция также имеет богатую историю. Мобильность населения доколониального периода была, как правило, продиктована инстинктом выживания и имела целью поиск новых районов проживания и охоты, сельскохозяйственных или скотоводческих угодий, а также поиск сакральных топосов (например, для паломничества). Одной из движущих сил афроамериканской и афроамериканской миграции стала торговля. Первый рабовладельческий корабль отплыл из Африки в Вест-Индию в 1550 г., чтобы удовлетворить потребность в рабочей силе на плантациях сахара и табака, принадлежащих белым поселенцам. По современным оценкам, более 10 млн африканцев были насильственно вывезены из Западной Африки в Америку в качестве рабов [2].

Азиатская миграция была во многом обусловлена торговым дискурсом. Арабские и китайские торговцы путешествовали по морю на Малайский полуостров, на индонезийский и филиппинский архипелаги. Существовали хорошо налаженные торговые пути между Индией, Аравийским полуостровом и Западной Африкой. Циркулярная миграция была обычной трудовой жизнью для кузнецов, акробатов и певцов, которые путешествовали небольшими социальными группами в Южной Азии.

Вторая мировая война во многом изменила природу мировой миграции: после ее окончания рабочая сила была необходима для послевоенного восстановления Европы и для обслуживания экономического бума в Европе. Мигранты из бывших колоний в Карибском бассейне и Южной Азии ехали искать работу в Британию, мигранты из Турции – в Германию, а североафриканские мигранты устремились во Францию.

Так, сформированный столетиями, основной миграционный тренд остался практически

неизменен: он цикличен и выражен поиском (не учитывая насильственную миграцию) лучшей среды обитания. Изменения касаются в основном ее («темпоральной») формы: в отличие от более ранних этапов (XVI–XIX вв.), когда миграция с большей вероятностью заканчивалась постоянным поселением, в XX в. преобладают временная и маятниковая миграции.

Для XX в. характерны три фазы миграционного процесса. Ранняя – неоклассический вид, миграция рассматривается как индивидуальное решение для максимизации дохода. Индивиды фокусируются на различиях в заработной плате и условиях занятости в разных странах; выгодах собственно миграции. На стыке веков миграция уже рассматривается как следствие факторов притяжения и толчка, которые создаются природой современной индустриальной экономики в растущей глобальной экономике и как естественное следствие экономической глобализации. Вторая фаза – следствие двух кровопролитных войн и как факт – вынужденная миграция, основанная на отсутствии трудовых сил на территориях ликвидации «следов войны». Третья фаза является следствием постмодернизма. Для нее характерно прекращение насильственного перемещения, наоборот, происходят реэмиграции, а в свободной миграции к экономическим предикатам прибавляются культурные факторы. Так, например, люди стали чаще потреблять общие культурные формы, такие как музыка или фильмы, и разделять культурные ценности по всему миру. Следовательно, такая культурная глобализация заставляет их ощущать социокультурные дисбалансы и, как следствие, мигрировать.

«Солнечная» и теневая миграция: мозаика «восточных моделей»

С середины 1960-х гг. в большинстве стран Ближнего Востока произошел «демографический переход», который привел к ускорению роста народонаселения. В период с 2005 по 2015 г. число мигрантов, живущих на Ближнем Востоке, увеличилось более чем вдвое – с 25 до 54 млн [3]. Экономика стран Персидского залива заметно интенсифицировалась: экономическое развитие в таких странах, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Оман, Катар и Бахрейн привлекло миллионы мигрантов. Израиль в связи с репатриацией «избранного народа» стал популярным пунктом назначения для мигрантов, отчасти из-за возможностей трудоустройства.

В целом феномен миграции на Востоке следует анализировать через призму «стратегии выживания». Интенсивность эмиграционного всплеска на Ближнем Востоке, особенно после

2011 г., стала следствием масштабирования вооруженных конфликтов и вынужденного перемещения миллионов людей, многие из которых покинули свои страны рождения из-за страха смерти. Экспоненциальный рост числа людей, ищущих убежища и новые источники средств к существованию, превратил Ближний Восток в мировой регион с наиболее быстро растущей международной миграцией и насильственно перемещенным населением.

При отсутствии легальных путей миграции в данной ситуации возрастает роль проводника (гида) – представителя теневой инфраструктуры миграции. Контрабандисты считают себя ценными членами своих общин, ибо они предоставляют жизненно необходимый сервис; видят свой функционал не только в «движении людей», но и в обеспечении социальных связей. Многие из них испытывают чувство гордости за свою работу и репутацию среди населения: «Мы ведем их детей и молодежь в безопасное место, туда, где они могут работать и отправлять деньги обратно» [4]. Некоторые исследователи полагают, что здесь следует вести речь об определенной форме самосекьюритизации – самостоятельном обеспечении финансовой и физической безопасности в условиях, когда власть оказывается не в состоянии защитить своих подданных от комплексных рисков и угроз [5].

Отсутствие ощущения достойного и стабильного будущего, наличие устойчивых связей с диаспорой за рубежом, коррупционная составляющая государственных акторов миграционной политики, способствующая «легитимации» контрабандных миграционных сетей, отсутствие политики по реинтеграции имеют решающее значение для неконтролируемой и неуправляемой миграции на Ближнем Востоке.

Европейское миграционное «возрождение»: политики и практики

В 2015 г. попытка ЕС ввести обязательные квоты для беженцев привела к огромным волнениям внутри блока: Польша и Венгрия вообще отказались участвовать в программе. В дальнейшем невнятная миграционная политика и увеличение потока беженцев вызвали среди всего европейского населения антииммиграционные (и, наверное, антимиграционные) настроения, с последствиями которых европейские политики пытаются справиться по сей день. Большинство из них признают слабые стороны проводимого в отношении беженцев курса, но оказалось очень трудным договориться об альтернативе, которая соответствует международным конвенциям и способна получить достаточную политическую поддержку.

Предпосылки для изменения курсов существующих европейских политических партий имеют двойную аспектацию. Во-первых, они видят растущий скептицизм среди части населения к тому, что воспринимается как неконтролируемая миграция, и опасаются, что избиратели обратятся к антиэмиграционным партиям, если не докажут и не продемонстрируют серьезного отношения к данной проблеме. Во-вторых, многие страны все больше обеспокоены тем, что предыдущая политика в отношении беженцев имела серьезные гуманитарные последствия.

Результатом переосмысления проблемы стихийной миграции стало формирование «превентивной миграционной парадигмы», таким стало соглашение между Турцией и ЕС, устанавливающее неукоснительные требования к мигрантам: прибыл без действительных документов – будешь отправлен обратно. Турция при этом получила от ЕС 6 млрд евро на обслуживание беженцев в пределах ее границ. В планах европейских политиков заключить аналогичные соглашения с некоторыми странами за пределами Европы, в частности в Африке. Другим примером имплементации указанной парадигмы стала встреча в 2019 г. ЕС и Лиги арабских государств по вопросам беженцев и миграции. Итогом целеполагания встречи должно было стать согласие африканских стран (в первую очередь Египта, Туниса и Марокко) принимать беженцев, которые будут возвращены из Европы.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что в отличие от азиатских миграционных стимулов «африканская миграционная угроза» несет джихад, который активно «поглощает» страны Сахельского региона. До сих пор отсутствие стабильности на перешейке юга и севера Африки не являлось причиной массовой миграции в Европу. Однако стоит помнить, что страны Сахеля имеют самый большой прирост населения: «суммарный коэффициент рождаемости – 6–7 детей на женщину, а в некоторых странах Африки к югу от Сахары и выше», и нет никаких сомнений в том, что «черный континент» не сможет их всех прокормить [6].

Уже сейчас мы можем отметить рост количества мусульман в странах ЕС и разворачивание соответствующих умонастроений: «во многих европейских странах исламский экстремизм неуклонно наращивает свой потенциал, формируя угрозы и вызовы безопасности всему континенту» [7]. «По прогнозам ученых, к 2027 году каждый пятый француз будет мусульманином, и всего лишь через 39 лет Франция станет исламской страной» [8].

Таким образом, быстрорастущее население Африки, интенсивный экономический рост, инициативы по региональной интеграции, направленные на облегчение передвижения граждан и изменение климата, являются факторами, которые могут способствовать увеличению миграции и мобильности рабочей силы в Африке к югу от Сахары. ЕС пока эффективно использует метод кнута и пряника – «сочетание положительных и отрицательных стимулов»: информирует партнеров о вознаграждении за сдерживание оттока мигрантов и беженцев из своих стран и наказании за неисполнение обязательств. Тем временем лицо Европы меняется, а вместе с ним трансформируются и переопределяются «европейские ценности».

Россия в глобальной миграциосфере

После распада СССР Россия волею судьбы стала центром громадной миграционной системы постсоветского пространства. От 30 до 80% мигрантов приезжают в Россию на постоянное место жительства или в поисках временной трудовой занятости. В период с 1992 по 2017 г. в Россию прибыли более 11 млн иммигрантов, подавляющее большинство – из бывших советских республик. По этому показателю Россия входит в первую пятерку стран мира по численности международных мигрантов, родившихся за рубежом. Степень трудовой миграции в России даже во время нынешнего экономического кризиса остается одним из самых значительных в Европе, также Россия входит в лидирующую десятку стран привлечения иностранных студентов.

Включенность России в международные миграционные процессы обусловлена среди прочего ее географическим положением: между богатым Севером и бедным Югом [9]. Наблюдается феномен «вытесняющей миграции», когда граждане при отсутствии возможности реализовать свой потенциал нацелены мигрировать в страны, предоставляющие такую альтернативу. Это необходимо, прежде всего, для реализации внутренних целей и желания долгосрочной стабильности. В то же время приток мигрантов держится на постоянно высоком уровне и не всегда эта миграция является окончательной. Часто мигранты считают ее отправной точкой для движения дальше, их конечная цель – одна из стран ЕС.

Подобное повышение статуса России в глобальной миграциосфере до ранга «крупного игрока» обуславливается двумя факторами – внутренним и внешним. Внутренний фактор (демоэкономический) – низкая средняя (поселенче-

ская) плотность населения, умноженная на демографический кризис, повлекший уменьшение трудовых ресурсов и увеличение потребностей в рабочей силе. Внешний фактор (эко-антропологический) – общий миграционный потенциал россиян и титульных этносов с территории бывших стран СНГ, который в среднесрочной перспективе может составить около 3–4 млн чел. Будут ли эти мигранты ориентированы на Россию и предпочтут остаться здесь или уехать в другие страны для проживания, во многом будет зависеть от социальной и экономической ситуации в России и российской миграционной политики.

Заключение

Россия аналогично ЕС находится в ситуации «двух зол»: проблемы демографического кризиса и фактора кадрового голода. Поскольку ЕС является центром промышленности, а Россия сейчас все больше полагается на ресурсно-добывающую парадигму в экономике, структуры обеих сторон являются взаимодополняющими и могут расти вместе, даже когда они конкурируют за скудное количество специалистов. При этом прослеживается усиление связи и влияния Российской Федерации со странами постсоветского пространства, равно как и со странами Ближнего Востока, которые демонстрируют миграционный потенциал, что дает неоспоримое преимущество в разрешении демографического кризиса. Вместе с тем российская общественность проявляет огромный интерес к Западу, его народной культуре, экономическим достижениям, символам статуса и образа жизни. Сравнивая миграционные модели, можно отметить некоторые характерные отличия. Так, восточная миграция является нерегулируемой, отсутствуют государственные институты управления, более того, правительства стран Ближнего Востока нарочито «закрывают глаза» на проблему миграции. Тем самым при отсутствии рабочих мест на внутреннем рынке труда лоббируют внешнюю мобильность своих граждан.

Современная тенденция западной миграционной модели – это строгий отбор квалифицированных специалистов, балльная миграционная система и максимальный уровень регулирования всеми миграционными потоками. Исходя из этого, Россия, находясь между полюсами миграционных моделей, может «разыграть свою

карту», а значит решить внутренние проблемы, касающиеся демографического кризиса, закрытия вакансий непрестижных и низкооплачиваемых должностей, что усилит внутреннюю экономику и национальную безопасность.

Не стоит забывать, что регулирование миграции должно быть согласовано с концепцией демографического развития стран, необходимо также обеспечивать социально-культурную и геополитическую безопасность. В связи с этим миграция не должна быть социальным дестабилизатором общества. Общая миграционная политика, открытие границ и реальность большего открытого европейско-российского пространства станет общим успехом в решении демографического кризиса и кадровой проблемы.

Список литературы

1. *Mitchell B., Deane P.* Abstract of British Historical Statistics. Cambridge, 1962. 325 p.
2. *Massey D., Arango J., Koukousei A., Pellegrino A., Taylor A.* Worlds in Motion : Understanding International Migration at the End of the Millennium // *Economic Geography*. 1998. Vol. 77, iss. 3. P. 312–314.
3. International migrant stock : The 2017 revision. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml> (дата обращения: 01.04.2020).
4. *Abdullah M., Nimkar R., Savage E.* “We Are the Ones They Come to When Nobody Can Help” Afghan Smugglers’ Perceptions of Themselves and Their Communities // *Migration Research Series*. Geneva, 2019. Vol. 56. P. 3–20.
5. *Baser B., Halperin A.* Diasporas from the Middle East : Displacement, Transnational Identities and Homeland Politics // *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2019. Vol. 46, iss. 2. P. 215–221.
6. *Sanchez G., Zhang Sh.* Rumors, Encounters, Collaborations, Survival : The Migrant Smuggling-Drug Trafficking Nexus in the U.S. Southwest // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2018. Vol. 676, iss. 1. P. 135–151.
7. *Добаев И. П.* Ислам и миграции в Европе : провал политики мультикультурализма // *Мусульманский мир*. 2015. № 4. С. 40–54.
8. *Ситохова А.* Исламизация Европы // *Россия и мусульманский мир*. 2013. №11 (257). С. 133–138.
9. *Бекяшев Д. К.* Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции. М. : Проспект, 2016. 392 с.

Образец для цитирования:

Матвеев А. А. Евразийская миграция: механизмы и принципы глобальной миграциосферы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 374–378. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-374-378>

Eurasian Migration: Mechanisms and Principles of the Global Migratiosphere

A. A. Matveev

Aleksey A. Matveev, <https://orcid.org/0000-0001-9755-1914>, Ivanovo State University, 39 Ermaka St., Ivanovo 153000, Russia, matvefal@mail.ru

The article focuses on Eurasian migration processes, seen in the context of three migration models, as well as their impact on demographic and sociocultural dynamics. The actual problematization of the article is to determine the relationship between the phenomenon of migration and the demographic crisis on the continent. The author sets a goal to find common ground between various migration models in the search for ways of overcoming the demographic crisis. To solve the problem, comparative and systems approaches were applied. The relevance and novelty of the article consist in the formation of the discourse of global migration science, the scaling of the space of migration processes and the justification of their systemic, complex nature. The significance of the study is revealed in the hypothesis of the conceptual (system-determining) place of Russia in the Eurasian migration sphere. It is shown that the reserves of migration stability are associated primarily with the controversial situation, which is characterized, on the one hand, by a huge migration potential, and, on the other hand, by an isolated European migration policy. Verification of the effectiveness of the migration model, in which "brain drain" is minimized together with the concentration of professionals within the country space, and, at the same time, "infusion" of new labor resources are possible within the framework of a real migration policy. At the same time, a harmonious migration policy will give an answer, whether it is a short-term perspective or a sustainable development process.

Keywords: migration, the migration process, migration interaction, Muslims, the demographic crisis, the migration model, migration policy.

Received: 27.04.2020 / Accepted: 02.07.2020 / Published: 30.11.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Cite this article as:

Matveev A. A. Eurasian Migration: Mechanisms and Principles of the Global Migratiosphere. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 374–378 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-4-374-378>

References

1. Mitchell B., Deane P. *Abstract of British Historical Statistics*. Cambridge, 1962. 325 p.
2. Massey D., Arango J., Koukousei A., Pellegrino A., Taylor A. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. *Economic Geography*, 1998, vol. 77, iss. 3, pp. 312–314.
3. *International migrant stock: The 2017 revision*. Available at: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml> (accessed 01 April 2020).
4. Abdullah M., Nimkar R., Savage E. "We Are the Ones They Come to When Nobody Can Help" Afghan Smugglers' Perceptions of Themselves and Their Communities. *Migration Research Series*, Geneva, 2019, vol. 56, pp. 3–20.
5. Baser B., Halperin A. Diasporas from the Middle East: Displacement, Transnational Identities and Homeland Politics. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 46, iss. 2, pp. 215–221.
6. Sanchez G., Zhang Sh. Rumors, Encounters, Collaborations, Survival: The Migrant Smuggling-Drug Trafficking Nexus in the U.S. Southwest. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2018, vol. 676, iss. 1, pp. 135–151.
7. Dobaev I. P. Islam and Migration in Europe: The Failure of Multiculturalism Policy. *Musul'manskiy Mir* [The Muslim World], 2015, no. 4, pp. 40–54 (in Russian).
8. Sitokhova A. Islamization of Europe. *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim World], 2013, no. 11 (257), pp. 133–138 (in Russian).
9. Bekyashev D. K. *Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vynuzhdennoy i trudovoy migratsii* [International legal regulation of forced and labor migration]. Moscow, Prospect Publ., 2016. 392 p. (in Russian).